

Глава 10

— Отец, как ты можешь до сих пор верить в это, — вздохнул Цзян Сяои.

В их краях не было ни одного учёного. В городе, конечно, были, но он прекрасно знал своё положение. Он не знал грамоты, не говоря уже о владении цитрой, каллиграфией, живописью и игрой в шашки. Он даже не знал, как выглядит цитра. Всё, что он умел, — это работать и точить ножи. Выйти замуж за городского учёного было для него всё равно что лягушке мечтать о лебедином мясе — несбыточная мечта.

Раз он не мог выйти замуж за учёного, откуда взяться «судьбе чиновника»?

Он никогда не принимал это всерьёз.

Если бы отец не напомнил, он бы и вовсе забыл об этом, ведь прошло уже почти десять лет.

Когда ему было семь лет, на Праздник середины осени в городе устроили фестиваль фонарей. В то время семья Цзян ещё не была в таком упадке, и отец Цзян повёл жену и двоих детей посмотреть на праздник. На улице они увидели даоса.

Даос был очень молод и красив, но одет был неряшливо: его даосский халат был весь в дырах, а волосы, неизвестно почему, росли как попало, словно у каждого была своя жизнь, торчали во все стороны, образуя на голове настоящий взрыв.

Вокруг него собралась толпа женщин и супругов, но никто не решался заплатить ему за гадание.

Во-первых, он брал дорого — девяносто девять вэней за одно предсказание, что было просто невысказано.

Во-вторых, он не выглядел как человек, обладающий способностями. Настоящие даосы, по их мнению, были пожилыми и с бородами.

Никто не хотел тратить деньги впустую, но, видя его красивое лицо, замужние и более смелые женщины начали подшучивать над ним.

— Молодой даос, ты так молод, твои предсказания точны? Не обманываешь ли ты нас, своих старших братьев и сестёр?

— Ай-яй-яй, сестрица, как ты можешь такими прекрасными устами говорить такие холодные слова? Девяносто девять вэней — не прогадаешь, не обманешься. Сестрица, давай погадаем?

Женщина, кокетливо взмахнув платком, прикрыла рот рукой и засмеялась. Ей показалось, что у молодого даоса сладкий язык и он говорит правду.

Отец Цзян, неизвестно почему, подошёл к нему с двумя детьми и присел на корточки. Даос взглянул на него, протянул руку, и отец Цзян, словно под гипнозом, отдал ему девяносто девять взней. Даос, взяв деньги и поняв, что тот хочет погадать детям, поднял глаза на стоявших неподалёку Цю Цуйцуй и Цзян Сяои. Затем, снова взглянув на отца Цзян, его взгляд внезапно стал сочувственным. Он поднял большой палец и воскликнул:

— Я думал, что я самый несчастный, но, оказывается, в этом мире есть кто-то несчастнее меня... Но, старина, чтобы жизнь удалась, на голове должно быть что-то зелёное. Ты настоящий мужик!

Хуан Сюлянь и двое детей стояли далеко, и из-за шума на улице они ничего не расслышали. Но отец Цзян услышал всё отчётливо.

Молодой даос сказал, что ему наставили рога?

Ни один мужчина такого не стерпит.

Отец Цзян пришёл в ярость, из ушей у него шёл дым, он уже закатал рукава. Но даос, сказав это, закрыл глаза и, перебирая пальцами, даже не спросив даты рождения, сказал:

— Древние говорят: брови не должны быть густыми и мутными, они не должны, как облака, закрывать солнце и луну. Поэтому и редкие брови имеют свою прелесть, обе называются «цветными облаками»; и густые брови не должны быть тёмными, они должны иметь очарование заката. И те, и другие называются «пышными облаками», а не так, что левая — «цветная», а правая — «пышная». У твоего ребёнка брови ясные и изящные, значит, и супруг будет красив. К тому же, у этого ребёнка гладкий и широкий лоб, полный живот, что говорит о благословении, а высокий лоб — о чиновничьей карьере. Это хорошая судьба.

Хотя он говорил на человеческом языке, отец Цзян не понял ни слова.

— Что?

Даос коротко и ясно подытожил:

— У твоего ребёнка судьба чиновника.

Услышав это, отец Цзян тут же расцвёл. Дым из ушей перестал идти, спина перестала болеть, лёгкие перестали разрываться. Он почувствовал лёгкость во всём теле и пошёл, едва касаясь земли. Позже, когда эйфория прошла, он решил, что не стоит принимать это всерьёз, а просто как доброе пожелание.

В последующие годы он и вовсе забыл об этом.

Пока Хуан Сюлянь не начала настаивать на разводе и не захотела забрать Цю Цуйцуй. Отец Цзян не соглашался. Говорили, что с отчимом приходит и мачеха. Как он мог доверить ребёнка чужому человеку? Что если с ней будут плохо обращаться? К тому же, он растил её десять лет, как он мог её отпустить?

Хуан Сюлянь, видя, что он ни в какую не отдаёт ребёнка, в отчаянии призналась — Цю Цуйцуй не его дочь, а её и Цю Дачжу.

Услышав это, отец Цзян тут же вспомнил тот Праздник середины осени и того красивого молодого даоса.

Так вот почему даос тогда так сказал — у него были рога.

Он это увидел по лицу или угадал? Если увидел, значит, у него были способности. А если так, то его слова о «судьбе чиновника»...

Правда это или нет?

Если правда, то, конечно, хорошо.

Но, как и сказал Цзян Сяои, в соседних деревнях не было учёных. Как у его гэ'эра могла быть судьба чиновника?

Деревенским девушкам и гэ'эрам было трудно выйти замуж в город, не говоря уже о том, чтобы связать свою жизнь с учёными.

В те времена образование стоило дорого. Не говоря уже о деревне, даже в городе не каждая семья могла позволить себе учить детей. За редким исключением, учились только дети из состоятельных семей.

Как, например, Тан Вэньцзе. Его семья владела магазином. Хотя сейчас дела шли неважно, раньше они хорошо зарабатывали и скопили приличную сумму. Говорят, тощий верблюд всё равно больше лошади. Тан Вэньцзе столько лет пытался сдать экзамен на сюая, но безуспешно. Если бы у семьи Тан не было денег, он бы давно вернулся домой, а не тратил бы деньги в академии.

Чем богаче семья, тем больше там правил и требований к происхождению. Им, деревенским, и мечтать не о чем.

Цю Цуйцуй с детства была не похожа ни на него, ни на Хуан Сюлянь. Но ведь не все дети

похожи на родителей. Отец Цзян не придавал этому значения. То, что даос сказал о рогах, он, возможно, просто угадал, видя, что Цю Цуйцуй на него не похожа.

Он не мог из-за неопределённых слов даоса снова рисковать будущим своего гэ'эра.

Ему скоро двадцать, тянуть больше нельзя.

Цзян Сяои, не зная его мыслей, продолжил:

— К тому же, тогда и старшая сестра была там. Даос сказал «твой ребёнок», может, он говорил о ней.

И действительно, Цю Цуйцуй вышла замуж за учёного. Хотя тот ещё не сдал экзамен на сюэя, но с помощью связей поступил в уездную академию. Говорили, что тамошние учителя — настоящие мастера своего дела. Большинство сюэяев в городе были выпускниками этой академии. Тан Вэньцзе поступил в академию Вэньшань, и, возможно, скоро тоже сдаст экзамен. Будущее непредсказуемо.

Когда даос сказал отцу Цзян о рогах, Хуан Сюлянь не слышала. Позже отец Цзян сказал ей, что гадалка предсказала их ребёнку «судьбу чиновника», и Хуан Сюлянь тоже подумала, что речь идёт о Цю Цуйцуй.

Ведь в те времена девушки ценились выше гэ'эров. К тому же, Цю Цуйцуй была красива, с пышными формами, и деревенские старики, видя её, всегда говорили, что в будущем её ждёт счастье.

При разводе Хуан Сюлянь настаивала на том, чтобы забрать Цю Цуйцуй, не потому, что боялась, что отец Цзян будет срывать на ней злость. Отец Цзян был человеком честным и добрым, Хуан Сюлянь не боялась, что он будет бить или ругать Цю Цуйцуй. Она хотела забрать её не только потому, что любила её больше всех, но и потому, что у неё была «судьба чиновника», а также потому, что Цю Дачжу хотел, чтобы ребёнок признал своего настоящего отца.

После совершеннолетия Цю Цуйцуй, Хуан Сюлянь подбирала ей в мужья в основном учёных.

При упоминании Цю Цуйцуй лицо отца Цзян помрачнело. Раньше он тоже думал, что тот старый даос, возможно, говорил о Цю Цуйцуй. Но ведь Цю Цуйцуй — не его ребёнок. А Цзян Сяои, Сяозэр и Сяосань с детства были похожи на него, любой с первого взгляда понимал, что это его дети. Раз уж даос угадал про рога, значит, он говорил о Цзян Сяои.

Он в гневе рубанул топором, и полено толщиной с бедро расколосось надвое.

— Тан Вэньцзе? Да он только и умеет, что задницей воздух портить.

Цзян Сяои засмеялся, его глаза весело сощурились.

— Ну, это тоже надо уметь.

Отец Цзян тоже усмехнулся.

— Отец, — Цзян Сяои взял маленький стульчик и сел рядом с ним. — Через несколько дней нужно везти Сяоэра в зал Хуэйчунь на иглоукалывание.

Цзян Сяоэру нужно было не только пить лекарства, но и каждые полмесяца ходить в лечебницу на иглоукалывание к старому доктору.

Лекарства стоили дорого, и иглоукалывание тоже было не дешёвым — сто с лишним вэней за сеанс.

Раньше Цзян Сяои и отец Цзян рубили дрова на продажу, и денег кое-как хватало. Но в прошлом месяце Цзян Сяоэр простудился, у него был сильный жар, и он шесть дней пролежал в лечебнице, что истратило все немногие сбережения семьи. Сегодня отец Цзян передал через Цзян Даню сорок вэней, но эти деньги нужно было потратить на зерно. Даже если сэкономить всё, их всё равно не хватит.

Через несколько дней нужно было идти. Дрова, которые они нарубили, принесут всего шестьдесят-семьдесят вэней.

Всё равно не хватает.

Жители деревни знали, что пока Цзян Сяоэр болен, дыра в их бюджете не закроется. Если одолжить им деньги, то обратно их можно будет ждать лет восемь-девять.

Семьи с небольшим достатком не спешили давать в долг, ведь если вдруг понадобятся деньги, где их взять? А если бы семья была богатой, то можно было бы одолжить. Но все были бедны, и каждая медная монета была на счету.

Раньше, когда Цзян Сяоэр болел ещё сильнее, денег уходило ещё больше. Однажды у них дома девять дней не было еды. Отец Цзян в отчаянии ходил по деревне и просил в долг, но мало кто давал. Цзян Сяои знал об этом и больше не хотел просить. Всё равно не дадут, только зря унижаться.

Он помедлил и сказал:

— Та шпилька, что ты покупал для старшей сестры, я хочу её заложить.

Отец Цзян опустил глаза, расколол ещё два полена и, помолчав, ответил:

— Она в доме. Когда повезёшь Сяоэра, возьми. Твоя сестра всё равно её не оценит, лежит без дела. Когда выйдешь замуж, я куплю тебе новую, лучше.

Шпильку он купил два месяца назад.

О том, что Цю Цуйцуй вышла замуж, отец Цзян узнал от старшей ветви семьи.

Цзян Даню хотел навестить Цю Цуйцуй, но ему, как постороннему мужчине, было неудобно идти одному, и он позвал с собой Цзян Сяои. Когда они подошли к дому Цю, привратник, увидев их бедную одежду, решил, что это очередные бедные родственники Цю Дачжу пришли просить милостыню, и не пустил их.

Цзян Даню сказал, что ищет Цю Цуйцуй. Привратник ответил:

— Ищете старшую госпожу? Она в доме Тан, ищите её там.

Цзян Даню и Цзян Сяои были озадачены. Позже они узнали, что Цю Цуйцуй уже вышла замуж.

Цзян Сяои раньше встречался с Цю Цуйцуй, но тогда они случайно столкнулись на улице, и она не пригласила его домой, а повела в чайную. О замужестве она не упоминала.

Цзян Даню не был болтуном и, вернувшись, ничего не сказал. Но старшая ветвь семьи, узнав, что Цю Цуйцуй не пришла и уже замужем, пошла расспрашивать отца Цзян. Увидев его удивлённое лицо, они всё поняли.

Они помнили о тех десяти годах, что она прожила с ними, но Цю Цуйцуй, очевидно, больше не хотела с ними общаться.

Иначе почему на такое важное событие, как свадьба, она не прислала никого, чтобы сообщить им?

Ладно, их, старшую ветвь, можно было и не извещать. Но даже отцу Цзян не сообщить — это уже верх неблагодарности.

Хотя отец Цзян и не был её родным отцом, он её не родил, но он её вырастил.

Когда Цю Цуйцуй жила в их доме, они никогда её ни в чём не ущемляли.

А теперь она оказалась такой неблагодарной.

Отец Цзян не стал думать о ней плохо. Он решил, что Цю Цуйцуй всегда слушалась Хуан Сюлянь. При разводе они сильно поссорились, а Хуан Сюлянь была злопамятной. Наверное, это она не позволила ей сообщить. Но свадьба — это всё-таки важное событие, и она называла его отцом больше десяти лет. Он не мог сделать вид, что ничего не знает. Отец Цзян купил шпильку. Недорогую, всего девяносто с лишним вэней, у уличного мастера. Она была сделана из тонкого железа. Хотя и не из золота или серебра, но с искусной резьбой — цветок сливы, а над ним бабочка с расправленными крыльями, выглядевшая как живая.

Отец Цзян хотел подарить её Цю Цуйцуй, но та не взяла. Сказала, что её муж — учёный, а семья Тан в городе — люди уважаемые. Такую шпильку носят только служанки. Если она её наденет, то станет посмешищем. А раз носить не будет, то зачем она ей? Лучше, мол, дядя, забери её и отдай своему гэ'эру.

В тот день Цю Цуйцуй много говорила, боясь, что если возьмёт подарок, то останется в долгу, и отец Цзян снова придёт к ней.

Отцу Цзян было неприятно это слышать, но больше всего его задела слова «дядя» и «твой гэ'эр».

Он мог не признавать её, но Цзян Сяои был её братом по матери. Этими словами Цю Цуйцуй отреклась и от Цзян Сяои.

До сих пор, вспоминая о Цю Цуйцуй, отцу Цзян становилось горько.

Он встал, отряхнул руки и посмотрел на часы. Было ещё не поздно. Жители деревни, чтобы сэкономить масло, ложились спать, как только темнело. Но в это время все наверняка ещё обмолачивали кукурузу.

Урожай кукурузы собрали, нужно было спешить обмолотить и высушить, иначе скоро подойдёт время сбора риса.

Отец Цзян отложил топор и пошёл на улицу.

— Я схожу к старшей ветви, а ты ложись спать.

Цзян Сяои понял, что он идёт расспрашивать о сватовстве, и не стал его останавливать. Когда отец ушёл, он закрыл ворота, сложил нарубленные дрова и пошёл в кухню умываться.